

Пролог

— Мэм, это ваш ребёнок?

— Нет.

Офицер службы паспортного контроля строго смотрит на тётю Таню. В руках у офицера мой паспорт. Офицер — темнокожая женщина, не очень молодая. В Сан-Франциско, в международном аэропорту, все офицеры разные. Мужчины и женщины, молодые и не очень. Высокие, низкие, тёмные, светлые, китайцы, мексиканцы... Но раньше никто из них не спрашивал про меня. Раньше нас ни разу не задерживали.

— Мэм, кем вам приходится этот ребёнок?

«Родственницей», — хочу подсказать я. «Родственницей!» Я помню это слово на английском, я тоже могу ответить на все вопросы. Но я несовершеннолетняя. По документам — ребёнок. Поэтому спрашивают не меня, а тётю Таню.

— Эта девочка — дочь моего второго мужа и его первой жены.

— Она ваша падчерица, мэм? — женщина-офицер хмурит коричневый лоб. У неё прическа строгая, гладкая. Тугой пучок. Но не такой, как у бабушки Нади.

Я просто думаю про бабушку, без слёз.

Потому что плакать некогда. Я боюсь, что нас сейчас не пропустят в Америку. Офицер качнёт головой, вернёт нам паспорта и скажет: «Мне очень жаль, мэм, но мы не пропускаем падчериц в Соединённые Штаты Америки».

— Да. Она падчерица. Падчерица.

Когда тётя Таня повторяет за кем-то на английском, у неё акцента меньше, я заметила.

У меня акцент сильный. Но я в Америку приезжаю раз в год на летние каникулы. А тётя Таня здесь почти три года живёт. И будет жить дальше, с папой, Илюхой и Серёжкой. Вот её сейчас пропустят, а меня — нет. И что тогда?

— Да, это моя падчерица, — говорит тётя Таня. — Но её мать жива. Вот разрешение от матери и от отца.

— Где находятся её родители? — спрашивает офицер, забирая бумаги.

Я стою рядом, мой нос упирается в машинку для снятия отпечатков. Рядом, на стойке, прикручена вторая машинка, для проверки сетчатки. Такая серьёзная машинка, специально против преступников.

Мне реально нравится, когда меня на ней проверяют. И когда отпечатки пальцев берут. Это как в сериале про полицию.

Это часть приезда, с неё всегда начинаются летние каникулы: очередь на паспортный контроль, машинки, штампы. А потом чемоданы на ленте. А потом — папа в зале ожидания. Так должно быть всегда! В этот раз — тоже должно! Слышите?

Я молчу. Кричу про себя. Смотрю на женщину-офицера, выглядываю из-за машинки для отпечатков. Я про эти машинки год не помнила, с прошлого лета. В прошлый раз я была с бабушкой Надей. Она папина мама, а я папина дочка. Никаких вопросов.

А сейчас всё идёт не так. Мы всё стоим и стоим. Женщина-офицер смотрит на бежевую бумагу с печатью — это разрешение от мамы. Оно отдельно переведено на английский, на обычной бумаге, белой, тоже с печатями. Раньше эти бумаги всегда вынимала бабушка Надя.

Женщина-офицер молча смотрит бумаги. У неё на ногтях розовый лак, он местами облупился. Мама бы никогда не пришла с такими ногтями на работу. И бабушка Надя тоже. А аэропортовскому офицеру это нормально. И она от этого симпатичнее. Как будто обычный человек. Я её не так боюсь.

Но тут она снимает трубку селектора, говорит быстро и неразборчиво, а потом обращается ко мне

и к тётке Тане, медленно и чётко, потому что мы — иностранцы.

— Мэм, вы сейчас должны пройти для дополнительной проверки. Вы и ребёнок. Следуйте за нашим сотрудником.

Сотрудник в ярко-зелёном жилете, маленький, смуглый, ведёт нас мимо очереди. Там все — иностранцы. С детьми, чемоданами, подушками-подкошками, бутылками воды, паспортами, усталыми лицами. На нас смотрят.

— Что случилось? — спрашиваю я на русском.

— Татка, я не знаю, — говорит тётка Таня.

Если бы это был сериал про сотрудников аэропорта, то сейчас была бы четвёртая или пятая минута серии. И сцена бы закончилась тем, как мы идём в дальнюю комнату, а все на нас смотрят. И моё лицо показали бы крупным планом. А потом пошла бы другая сюжетная линия. Про женщину-офицера. Например, она сидела бы в комнате отдыха. Мрачно бы смотрела на свой облупившийся лак и говорила бы что-то важное для второй сюжетной линии.

Я решила: когда вырасту, стану сценаристом. Я знаю про развитие сюжета. Вот сейчас — завязка. Нас могут впустить или не впустить в США. Если не впустят — я не знаю, что будет дальше. Не могу угадать. В сериалах обычно угадываю. Особенно в американских.

Я сейчас могу выбрать, в каком сериале я нахожусь.

Школьница из России приезжает на каникулы в Калифорнию. В семью своего родного отца. У школьницы есть два брата, младший и старший. С братьями могут быть конфликты. И ещё можно романтическую линию. Но лучше мистическую. И обязательно флэшбэки про девочкино тёмное прошлое.

Мы идём в комнату для подозреваемых. Она размером с класс, только без окон. Вместо парт — две длинные скамейки. На одной сидит пожилой восточный мужчина. Он вытянул ноги, положил их на свой рюкзак. А сам нервничает. И тётя Таня нервничает, перебирает бумажки в папке. Раньше в её папке ещё наши паспорта лежали — но они сейчас в руках нового офицера, тоже мужчины.

Мне сейчас очень нужна закадровая музыка. Саундтрек моего фильма. Но телефон разрядился.

Напротив моей скамейки висит карта мира. Два огромных полушария, во всю стену. Вот Сан-Франциско. Вот Москва. Даже смотреть долго. Лететь — тем более. Сейчас здесь восемь часов вечера. В Москве — шесть утра следующего дня. Мы в Москве в шесть утра вышли из дома, чтобы поехать в аэропорт. Я уже сутки в дороге.

Я в душ хочу и чтобы ноги не болели. Я уже почти даже не хочу спать.

— Кто Татiana Лип.. Лиф... Лившис? Подойдите сюда!

Тётю Таню вызвал офицер. У него столик типа учительского. Только сзади не школьная доска, а стеллажи. А сбоку — проход в туалет.

— Мэм, вы живёте в России?

— Нет. Я живу здесь. Я, мой муж, мои сыновья. Я летала в отпуск. Я возвращаюсь к мужу.

— Ваш муж — гражданин США?

— Он резидент. И я резидент, — тётя Таня отвечает как на уроке. Кратко и с диким акцентом.

Офицер спрашивает дальше, медленно и очень строго. Тоже как на уроке. Общие вопросы. Тема урока «Моя семья».

— Кем работает ваш муж?

— Он программист.

— Кем работаете вы?

— Я работаю в службе доставки еды, на своей машине.

— У вас есть...

Дальше я не понимаю, что спрашивает офицер. Что-то про работу в США. У меня мозг устал от английского. Тут есть туалет. Я могу в нём спрятаться. А когда выйду, всё уже закончится.

Но мне кажется, я должна сидеть тут. Это же меня не пускают в Америку. К папе. Ещё к Илюхе с Се-

рёжкой, хотя по ним я не очень сильно скучаю. Илюху я вообще иногда ненавижу. Если меня сейчас никуда не пустят, я буду думать, что мне повезло, Илюха не будет мне два месяца жизнь отравлять. Но Америка — это не Илюха. Это ещё океан и папа. Рыжие сосны и тонкие пальмы. Белки, колибри, двухэтажный поезд, старинные трамвайчики, кружевные дома и алый мост.

А сейчас всё может отмениться из-за того, что меня везёт тётя Таня. Она мне мачеха, я ей падчерица. Это подозрительно. Сейчас всё подозрительно: папино приглашение, мамино разрешение, мой паспорт с визой. У меня на фотографиях открыт рот — и на паспортной, и на визовой.

Он у меня вообще, по-моему, всегда открыт. Может, это тоже подозрительно?

Маленький строгий офицер держит в руках мой красный паспорт. Читает моё имя. Оно у меня непривычное, вырасту — возьму псевдоним.

— Тэйсса... Тэйша... Я правильно говорю?

— Да.

— Ты говоришь по-английски? Сколько тебе лет?

— Да. Тринадцать.

— Как зовут твоего отца?

— Павел. Пол.

— Отлично.

Офицер хвалит меня никаким тоном, не улыбается. Просто штампает в паспортах — в моём

и в тётъ-Танином. Кажется, в русском нет глагола «штампать», но это не важно.

— Всего хорошего, мэм.

Нас проштампали, мы можем идти.

Саудтреком сюда нужна яркая музыка. Праздничная. У нас всё получилось.

Или очень тихая музыка? Я не могу радоваться. Я очень, очень устала. Я очень ждала этот день. Но он совсем не праздничный и не победный.

Потому что офицеры. И потому что раньше я прилетала с бабушкой Надей.

Мы идём за багажом в большой серо-голубой зал. Наши чемоданы, фиолетовый и клетчатый, стоят у колонны. На этой ленте давно крутится багаж другого рейса. Я не знаю, сколько мы были в комнате для подозреваемых. Наверное, час. В Сан-Франциско девять вечера. В Москве семь утра. Меня сейчас не вернут в Москву.

У меня всё получилось.

Я тяну за собой чемодан, он наезжает мне на ноги. Налево по коридору можно выйти в зал встречающих.

Я обгоняю тётю Таню. Я обгоняю семью китайцев. Они все за моей спиной. Как в прошлом.

Коридор идёт немного вниз, как горка. Так чемоданы легче катить. И бежать тоже легче.

Впереди стоят люди. Я сперва замечаю Серёжку. У него оранжевая майка, он подпрыгивает и орёт. Илюха стоит рядом, он в тёмных очках, у него в руках бумажный стакан, оттуда трубочка торчит, как средний палец. Илюха салютует стаканом и ничего не говорит. Ну и не надо. Потому что рядом с Илюхой стоит папа!

Я вернулась.